

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Гэвэун-великан. Молдавская народная сказка

Видать, случилось так когда–то, А коли не было б, по свету не сказывали б сказку эту.

Жил когда–то чабан, и было у него трое сыновей. Построил он под пологом леса загон для овец и пас там овец круглый год. Чуть ниже, в самом сердце кодр, жил Гэвэун–великан – мерзкий и страшнющий змей, не видать бы его ни во сне, ни наяву.

По утрам, когда пробуждались птицы, и вечерами, когда из долины тянуло прохладой, Гэвэун–великан гикал и кричал чабанам, что были в загонах:

– Мэй, чабаны, эхе–хе–хе, Гоните–ка овец ко мне, В травы колосистые, Во леса тенистые!

Но все чабаны знали, что за ласковыми словами таятся страшные дела. И никто ему не отвечал, и никто не шёл.

Сколько раз слышал чабан гиканье и слова великана–змея, столько раз поучал своих сыновей:

– Боже упаси кого–нибудь из вас ответить змею – ему только того и надо: распрощаетесь навсегда и с овцами, и с жизнью своей. Никто из тех, кто ответил ему или ушёл с овцами в лес, не спасся.

Парни прислушивались к совету отца. Так шли годы. Пришло время, и старый чабан умер. Остались сыновья его в стойбище одни. Набивали в кадки брынзу, хлопотали по хозяйству, как прежде отец, одним словом, справлялись с делами. В один прекрасный день пошли старший брат со средним на ярмарку. Купили, чего хотели купить, да, видно, распивая магарыч, перехватили малость.

Идут, шатаются из стороны в сторону, все камешки перепитали на дороге. Как подходить к шалашу, хорошее настроение так овладело ими, что стали они во весь голос изливать, что было на душе, да хвалиться.

Когда добрались до стойбища и принялись было за дело, услышали вдруг:

– Мэй, чабаны, эх–хе–хе, Гоните–ка овец ко мне,

В травы колосистые,

Во леса тенистые!

– Давай ответим ему и поведём овец,– говорит старший брат.

– Давай: кто его знает, может, и неправда то, что говорил нам отец, пойдём, посмотрим,– в ответ ему средний.

– Братья мои, опомнитесь, погибнем мы все,– попытался отговорить их младший.

– Заткни глотку, мэй, что ты понимаешь? Мал ещё поучать нас.

В это время призыв змея послышался ещё раз. Старшие братья, как услышали, поднялись на ноги и во весь голос закричали:

– Уху–ух–ух, Гэвэун, Слышим мы твои слова, Да не видим никогда!

Еле успели они перевести дыхание – Гэвзун тут как тут:

– Здравствуйте, ребята.

– День добрый.

– Это вы меня кликали? – Кто ж другой?

– Тогда пойдемте со мной на пастбище, в лес. Да сначала зарежьте овцу – больно голоден я.

Зарезали парни овцу, накололи мясо на вертел, развели огонь, а как образовались угли – положили мясо жарить. В два–три глотка проглотил великан овцу вместе с костями, а потом повёл ребят с отарой овец в свой лес.

Пастбище там было отменное, да не на пользу и не на радость себе пасли парни овец. Змей–страшилище с них глаз не спускал и каждый день заставлял зажаривать по три овцы. Так что у ребят сердце болело, видя, как пошёл прахом их и отцовский труд.

Кое–как, с грехом пополам, мирились они со своей бедой. Да страшилище не оставил их в покое на этом. В один прекрасный день развёл он жаркий костёр, повесил котёл и, когда закипела вода, бросил в котёл старшего брата, сварил его и съел. Потом съел и среднего. Очередь была за младшим, и тот, бедняга, света белого не взвидел от страха и ужаса. Предчувствуя беду, погнал он овец на пастбище и стал там думать–гадать, что делать, ибо великан вот–вот схватит его своими ручищами. Не найти бы ему решенья, если б не оказалось в отаре ясновидящей овечки, которая, почуяв смятенье хозяина, принялась бляеть и метаться да и отбилась от отары.

Парень, заметив неладное, спрашивает её:

– Что приключилось, миоара, что не пасётся тебе?

– Хозяин, хозяин, чую я, подстерегает тебя большая опасность. Гэвэун–великан надумал и тебя прикончить. Да не теряй мужества, не печалься. Заметь: Гэвэун, после того, как поставит котёл на огонь, сразу засыпает. А ты подложи дров в огонь и, когда вода закипит, вылей её великану между глаз.

Известно: не из чего иного, как из самого крошечного зёрнышка пускает дерево корни в землю и тянет к небу ветви.

Так и парень, успокоенный миоарой, стал надеяться на своё избавление, и прибавилось у него сил. На другое утро великан заснул у костра, парень же стал наготове у котла. Когда вода закипела, он осторожно снял котёл и – бултых! – вылил кипящую воду великану между глаз и ослепил его.

Вскочил Гэвэун – бушующий огонь, и был он страшнее бешеной собаки или потревоженной гадюки,– завертелся, как оборотень, да напрасно. Потом приблизился к загону, уселся на бугорок и велел парню доить овец.

Тому и невдомёк, в чём дело, а великан спрашивает:

– Ну, готов овец загонять?

– Да,– отвечает.

Тогда Гэвэун бросился закрывать калитку загона, одной рукой держит калитку, другой – ощупывает овец и выпускает по одной, чтоб схватить парня.

Но и парень был не из тех, что лыком шиты. Подкрался он к большому барану, залез ему под брюхо, вцепился руками в шерсть и незаметно проскочил.

Упустил великан парня. Теперь уж знал он наверняка, что ничем ему его не прельстить, не заполнить. Тот будет только насмехаться и издеваться над ним. Поднявшись во весь свой высоченный рост, принялся великан каяться:

– Дорогой ты мой, кто надоумил тебя на такую хитрость – хорошо придумал, а если ты сам догадался, и того лучше. Нет у меня сил держать тебя подле себя и, если решил ты идти на все четыре стороны, возьми это кольцо – будет памятью тебе о Гэвэуне–великане.

Парень, не чую беды, подбежал, подобрал кольцо и одел его на палец. А Гэвэун как закричит:

– Колечко, колечко, где ты?

– Здесь, здесь! – отвечает кодьцо (оно было не простое, а волшебное). Тогда великан – хлоп! хлоп! хлоп! – потопал своими ножищами туда, откуда слышался ответ, потом опять закричал:

– Колечко, колечко, где ты?

– Здесь, здесь,– отвечало кольцо, и парень почувствовал, что сам себе надел верёвку на шею.

Гэвэун носился с распростёртыми руками, чтоб схватить парня, и всё кричал:

– Колечко, колечко, где ты?

– Здесь, здесь! – отвечало кольцо прямо под носом великана.

Тогда парень обхватил кольцо, пытаясь снять его с пальца. Но оно не снимается, не дается ни в какую.

А великан – всё ближе и ближе.

Схватил тогда парень его зубами – напрасно старается. Видя, что другого выхода нет, вытащил он нож, что носил у пояса, положил руку на сруб колодца, что был поблизости, и – хруст! – отрубил палец с кольцом и бросил в колодец. Великан же снова кричит:

– Колечко, колечко, где ты?

– Здесь, здесь! – отвечает кольцо из колодца.

Раздосадованный Гэвэун–обжора – бух! – бросился головой вниз в колодец и, воя, летел в него, покуда не стукнулся головой о дно. Наглотался он там воды, стал захлебываться и всё пытался вырваться наружу, пока не испустил дух.

Парень, удостоверившись, что великан–громадина отдал концы, влез на его пятки, торчавшие из колодца, и заплясал от радости. Потом собрал свою отару овец и погнал их в кодры. Когда был он уже под тенью кодр, догнали его другие чабаны. Рассказал он им, что с ним приключилось,– тогда и другие чабаны осмелились повести овец в кодры. Поначалу шли они с опаской, потом построили себе загоны на богатых и красивых лесных полянах и стали там пасти овец. Может, и по сей день пасут их, если не умерли.